

А. Н. Стеценко. Исторический синтаксис русского языка. — М., «Высшая школа», 1972. 360 стр.

Книга А. Н. Стеценко написана более в жанре очерка, нежели учебного пособия для студентов. В ней собран богатейший материал из памятников различных жанров древнерусского и старорусского периодов, который систематизирован в соответствии с установившимися принципами изучения истории русского синтаксиса. В то же время структура книги приближена к построению практического курса современного русского синтаксиса, что облегчает восприятие исторической перспективы. Правда, в ряде случаев эту перспективу можно было бы дать более четко и конкретно.

Автор часто пользуется определениями типа «первоначальное», «в дальнейшем», «со временем» и т. п., давая читателю весьма приблизительное, а иногда и хронологически смещенное представление о конкретных языковых явлениях. Например, на стр. 103 написано: «Предлог для с родительным падежом первоначально употреблялся для обозначения причины ... и цели...». Иллюстрации приведены из сочинений Аввакума и Котляхины, что, безусловно, не является «началом» языкового факта. На стр. 39—40 говорится о том, что в древнерусских памятниках именные действительные причастия настоящего и прошедшего времени употреблялись в роли именной части составного сказуемого. Даются примеры из «Повести временных лет», «Моления Даниила Заточника», «Жития Бориса и Глеба», «Новгородской I летописи». Вслед за этим на стр. 40 читаем: «В дальнейшем развитии русского языка именные действительные причастия, выступавшие в функции предикативного члена, исчезли». Но когда? Значит ли это, что они исчезли в XV в., если их употребление иллюстрируется материалами XII—XIV вв.? Ведь это не так.

Наиболее полно автор раскрывает историю сложного предложения, которому посвящена вторая часть книги, основная по занимаемому объему и значимости содержания. Раздел «Сложное предложение» открывается краткими вводными замечаниями, в которых автор излагает общие особенности, свойственные древнерусским конструкциям сложного предложения, и определяет свою точку зрения на некоторые вопросы генетической соотносительности отдельных структурных разновидностей друг с другом.

Читателя привлекает детальная характеристика структурных особенностей бессоюзных сложных предложений и тщательное рассмотрение возможных смысловых отношений между их частями. Сомнение здесь вызывает лишь безоговорочное распределение автором всего материала бессоюзных предложений по типам смысловых отношений даже там, где

возможно двойное толкование их характера и не исключен факт нейтрализации двух различных отношений. См., например, материал раздела «Бессоюзные сложные предложения со значением следствия» или последний пример из приведенного на стр. 140 материала по бессоюзным сложным предложениям времени («И мне не может, так меня подымает...»), где налицо не меньшая возможность интерпретировать вторую часть в качестве поясняющей (ср. материал соответствующей рубрики на стр. 131).

В главе, посвященной сложносочиненным предложениям, особого внимания (кроме факта тщательной систематизации обширного материала по принципу употребления того или иного союза) заслуживает подход автора к выяснению функций союзов *а* и *и* в их взаимоотношениях, показ всего объема их функционального употребления в памятниках, что не оставляет сомнения в их семантической различности.

Бесспорным достоинством рецензируемого историко-синтаксического обзора является особое выделение и детальное рассмотрение сложных конструкций с разнотипными частями, связанными сочинительными союзами, а также конструкций, снабженных одновременно подчинительным и сочинительным средствами связи. Это не только момент композиции книги, но и определенной теоретической позиции ее автора. Наблюдения над этими структурами изложены в специальных разделах (стр. 119—224) и интерпретируются как синтаксические явления, отражающие определенные этапы формирования союзного подчинения. Характеристика природы предложений с наличием подчинительных и сочинительных союзов (стр. 203) представляется более удачной, чем это было сделано в специальной литературе до сих пор. Кажется правомерным и определение статуса предложений как сложноподчиненных, и определение в них союзов *и*, а как союзов присоединительных.

В первой части книги («Простое предложение») автор, к сожалению, часто опускает подобного рода комментарии, обходит общие, иногда проблемные, вопросы, которые стоят за инвентарем языковых фактов. Так, богатый материал по функциям косвенных падежей и по употреблению предлогов, на наш взгляд, недостаточно интерпретирован. Он не вошел органической частью в проблематику истории второстепенных членов предложения, что ожидалось бы в работе по синтаксису.

Автор обходит молчанием трудность и проблемность вопроса обособления в древнерусском языке. Так, рубрика

«Обособленные обстоятельства» содержит только следующее замечание: «Как известно, при наличии в предложении двух обстоятельств одного разряда второе обстоятельство обособляется, если оно уточняет первое» (стр. 120). Заметим, что это — далеко не аксиома даже для современного языка, а тем более для языка древних периодов. Автор предупреждает в предисловии к книге, что «для облегчения понимания синтаксической структуры древнего текста» он расставляет знаки препинания в большинстве случаев в соответствии с современными правилами. Однако облегчению при этом неизбежно сопутствует предписывание. На той же стр. 120 видим: «И во вторникъ, вечеръ суморокъ, пояхъ съ собою 2 брата» («Повесть временных лет», 148). Но почему не допустить иное прочтение: «И во вторникъ вечеръ, в суморокъ ...»? (не говоря уже о сложности полноты обособления для древнего периода).

Опущение в изложении определенных моментов, помогающих читателю уяснить сущность явлений и их связь друг с другом, приглушает голос автора и переносит центр тяжести в ряде глав этой книги на показ текстового материала. Далеко не всегда при этом автор учитывает различие имеющихся в литературе точек зрения по тому или иному вопросу (как это случилось, например, с вопросом о порядке расположения определения в атрибутивном словосочетании). В связи с этим приходится высказывать сожаление об отсутствии в книге списка важнейших исследований по истории русского синтаксиса. Подстрочные примечания в книге минимальны.

В книге одинаково детально излагаются языковые факты, представляющие своеобразие языка прошлого, и факты, совпадающие в своей сущности и внешних проявлениях с фактами современного языка. Между тем, последние не требуют для своего показа столь широкого текстового фона, как первые. Обилие иллюстративного материала здесь излишне, а это значительно увеличивает объем книги.

В рецензируемой книге немало «молчаливых» отклонений от общепринятого в литературе понимания фактов. Думается, что одни из них порождены недосмотром, другие, очевидно, особым мнением автора, совершенно напрасно не оговоренным особо. Сошлемся на конкретные факты.

Стр. 81. Иллюстрируя употребление в старорусских памятниках предложений с собственно безличными глаголами, автор приводит примеры с формами *разбило*, *занесет* (ветром), *оторвало* (водою), *ухватило*, *понесло*, что не согласуется с принятым толкованием понятия «собственно безличные глаголы» в соотно-

шении с понятием «безличные формы личных глаголов». Безличными (на стр. 83) автор считает первые части предложений «А что поженъ княжихъ, то князю»; «А что ся осталось изъ моихъ судовъ изъ серебряныхъ, а тымъ поделатся сынове мои и княгини моя» и под. (курсив наш. — В. Г.). При этом не дается никакого замечания по поводу интерпретации функции местоимения *что*. В качестве безличного рассматривается и предложение «Но се ему бе немлюбо» (стр. 84).

На стр. 87 под рубрикой «Главный член (сказуемое) выражен именной формой страдательного причастия прошедшего времени...» приведен пример: «Бысть ему язвено на главе его» (Пов. вр. лет, 104). Представляется весьма спорной морфологическая интерпретация слова *язвено* в качестве страдательного причастия. Смысл фразы достаточно обнаруживает в слове *язвено* имя существительное, ср. дальше в тексте: «Решоша бо волсви матери его: се язвено навязки на нь, да носить е до живота своего» (Пов. вр. лет, запись 1044 г.).

На стр. 92 читаем: «К данной группе (к группе номинативно-бытийных. — В. Г.) примыкают номинативные предложения, характеризующие состояние окружающей среды, например: *Се градъ нашъ* (Пов. вр. лет)». Но пример не согласуется ни с его семантической, ни с его синтаксической характеристикой (если иметь в виду общепринятую классификацию с выделением указательной разновидности номинативных предложений). На стр. 96 находим: «В древнерусском языке при сумме последовательно употреблялся родительный падеж со значением цели», хотя общеизвестно положение о целевом значении самого супина, при котором род. пад. имеет значение объекта. На стр. 111 в качестве иллюстрации к явлению замены второго дательного творительным предикативным приводится фраза: «Видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть (Авв., 13)», где форму *побитымъ* невозможно истолковать как форму творительного предикативного при субъектном члене *имъ*. Частных фактов, подобных приведенным, комментарий к которым вызывает несогласие, в рецензируемой работе довольно много. Это особенно досадно, если иметь в виду, что книга адресована широкой филологической аудитории.

В целом же книга полезна и специалисту-лингвисту, и студенту-филологу. Ее недочеты компенсируются широтой охвата материала и упорядоченностью общего представления об историко-синтаксических процессах в русском языке, которое она дает читателю.

В. Л. Георгиева